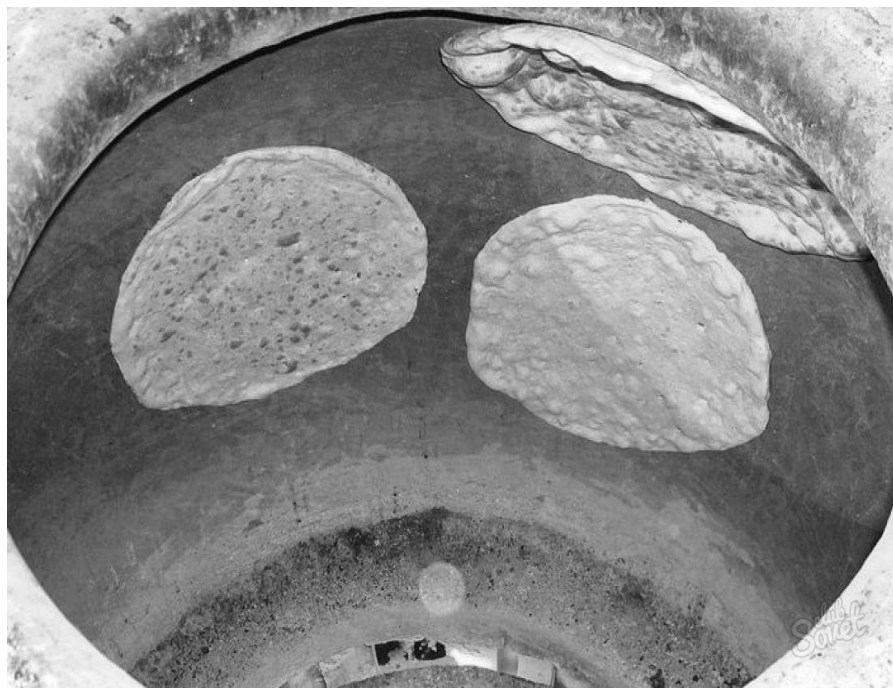

Очаг

Бат-Мицва

Время промчалось, почти не заметил,
Дочка моя, ты уже подросла,
Вот и *Бат-Мицву** сегодня отметим,
Радость ты в сердце мое принесла.
Как ты красива, цветочек любимый,
В этот твой первый ответственный день,
Грустно немного, но самый счастливый
Папа сегодня, родная поверь.

Припев:

Тебя, моя принцесса,
С Бат-Мицвой поздравляю.
Твою, моя дочурка,
Я ручку отпускаю.
Лети моя голубка,
Мой ангел, моя кровь,
С тобою мое сердце,
Забота и любовь.

Та же дочурка, но что-то такое,
Взрослое что-то мелькнет по лицу,
Некогда сердце отдашь ты другому,
Может немножко оставишь отцу.

Повтор припева

**Бат-Мицва - обряд перехода еврейской девочки к совершеннолетию*

Поцелуй

(дуэт)

Полночь, зал отлета пуст,
Только что взлетел аэробус,
Улетел, на сердце грусть
И нежный поцелуй твой.
Вновь развеялась мечта,
Мне б с тобой в ночное небо,
Жжет разлуки пустота
И нежный поцелуй твой.

Гаснет в самолете свет,
Пассажиры отдыхают,
Но любви не гаснет след,
Что помнит поцелуй твой.
Прежние заботы ждут,
Вряд ли скрыть я буду в силах
Грусти тень в улыбке губ,
Что помнят поцелуй твой.

Припев:

Твой поцелуй, твой поцелуй
В объятиях любви,
Твой поцелуй, твой поцелуй
На дальнюю разлуку,
Ну почему, ну почему
Москва и Тель-Авив
Не отпускают нас с тобой друг к другу.

Разведенные мосты,
Неприкаянные судьбы,
Но на сердце только ты
И нежный поцелуй твой.

Жить не можешь без снегов,
Мне мой город не оставить,
Грусть-тоска моя любовь,
Что помнит поцелуй твой.

Повтор припева

Полночь, зал отлета пуст,
Только что взлетел аэробус,
Улетел, на сердце грусть
И нежный поцелуй твой.

Цветочек от любимой

Ты знаешь, милая, что греет в холода,
Отодвигает от меня ненастье,
Что теплой искоркой в душе моей всегда
И звездочкою утренней на счастье,
Волшебной сказкой растворяется в душе,
Льет музыкой закатов и рассветов,
И отчего я так пою на кураже? -
От этих упоительных приветов.

Припев:

Поцелуй - цветочек от любимой,
Поцелуй, мне счастье подари,
Поцелуй, мне так необходим он,
Чтоб радоваться жизни и любви.
Поцелуй - цветочек от любимой,
Поцелуй, мне счастье подари,
Поцелуй, мне так необходим он,
Чтоб радоваться жизни и любви.

Ты знаешь, милая, как счастлив я теперь,
Что ты идешь со мной по жизни рядом,
Придя домой с работы, открывая дверь,
Я с ангела встречаюсь нежным взглядом.

Повтор припева

Кунак

Заходи, дорогой мой *кунак**!
От души предадимся веселью,
Будем кушать *хинкал*** и коньяк -
Между делом есть время безделью.

На шашлык заготовил вчера
Я каре молодого барашка,
*Хаши**** наваристый будет с утра -
Нам в похмелье не так будет тяжело.

О друзьях своих будем шутить,
И о детях хорошее скажем,
За успех их с тобой будем пить,
Будет трудно, конечно подмажем.

Ты прекрасных растишь дочерей.
Дорогой не сочти за крамолу,
Породнимся, помолвим детей,
Старший мой уже год ходит в школу.

Заторопишься если домой
К своей милой законной супруге,
Проведу я дорогой прямой,
Передам тебя ей прямо в руки.

Тебе счастья желаю кунак,
И чтоб в доме твоём был достаток,
Чтоб и в горе, бывает и так,
Были рядом весь жизни остаток.

* *Кунак* - гость, приятель, друг у кавказских народов;

** *Хинкал* - традиционное блюдо дагестанской кухни;

*** *Хаши* - блюдо кавказской кухни - суп из говяжьих ног, рубца.

Старый тутовник

У старой шелковицы на ветвях
Качался мальчуган, слагая песню:
На волнах ветра, в бури жерновах
Был капитаном, что плывет над бездной.
Об однокласснице он пел своей -
Красивой и прилежной ученице,
В игре ресниц и солнечных лучей
Она стояла здесь - у шелковицы.

Припев:

Старый тутовник - светлая сказка,
Рядом вдвоем - я и ты.
Детство нам дарит яркие краски,
Ветер рисует мечты.
Здесь, среди неясных переживаний,
Хочется рядом с тобой
Жить и учиться без расставаний -
Может быть это любовь.

Ствол дерева тихонько приобняв,
В молчании прислушиваюсь к ветру:
Изъеден тлей тутовник мой, трухляв,
Но чувства детские хранит и веру.
И увлечения мои тех дней
Раздвинули прожитые страницы:
В игре ресниц и солнечных лучей
Она стояла здесь - у шелковицы.

Припев:

Старый тутовник - светлая сказка,
Снова вдвоем - я и ты.
Первое чувство - в этом разгадка,
Свету подобно звезды.

Не сохранилось на дереве имя,
Вырезал что навсегда,
С ветром в лицо и мечтою наивной -
Славными были года.

Пальцы барабанщика

Барабанщик, как танцор лезгинки,
Строем пальцев обозначив круг,
Захрустит кистями для разминки,
И глазами засверкает вдруг.
Как проворно двигаются пальцы,
Щелкают и бьют, рождая звук,
Будто в диком искромётном танце,
Пламень изливается из рук.

Припев:

Барабан барабань, барабанщик барабань,
От души, сердца стук раззадорь и раздербань,
Пылкость страсти моей в вихре танца обнажи,
Ну, зажги, дорогой! Ты же можешь, покажи!

В медленном дыму шипят мангалы -
Седла и каре бараньих туш.
Пальцы музыканта, как запалы,
Будоражат нрав горячих душ.

Повтор припева

Пятьдесят

Нам, друзья, пятьдесят,
Разве в это поверить,
Пронеслись в суете
Все былые мечты.
Нам, друзья, пятьдесят,
Жаль, ретивое время
Не умерить в узде,
Подобрав животы.

Припев:
Пятьдесят, пятьдесят,
Пусть уже и многовато,
Пятьдесят, пятьдесят -
Юбилейный юбилей.
Будем верить друзья -
Этот возраст лишь экватор,
Светлых много будет дат,
О прожитом не жалея.

Нам, друзья, пятьдесят,
Разве в это поверить,
Те же лица ребят,
Тот же смех, баловство.
Нам, друзья, пятьдесят,
Но не время вечерять,
Ведь запал не иссяк,
Повоюем еще.

Повтор припева

Мама, мне пятьдесят,
Разве в это поверишь,
Нет уже озорства
Тех мальчишеских глаз.
Мама, мне пятьдесят,
От твоих колыбелен
И моя пацанва,
Пусть порадует нас.

Старый кларнетист

В кафе знакомое в надежде захожу
Послушать соло пожилого кларнетиста,
Ах, как же, помню, восхищался куражу
И энергетике игры его лучистой.

Не только музыкой он жег, но и душой,
Из сердца в сердце темперамент изливая,
Дарил восторг и наслаждение игрой,
Лишь для порядка, будто, пальцы разминая.

Немало времени прошло. Осенний парк,
И в синих сумерках мотив звучит знакомый -
Ты изменился, не меняются никак
Игры манера и талант неугомонный.

Твои года не те

Как в юности колотит сердце
В безвольной суете,
И в чувственном огне томится.
Твои года не те.
В любви не смею объясниться,
Горю в своей мечте;
Отпустишь наяву, так снишься.
Твои года не те.

Припев:

Ты молода, ты молодая,
Но что же делать мне.
Ты расцветаешь, я сгораю
В своей любви к тебе.
Твоей судьбою стать мечтаю,
Весь мир тебе дарить.
Что много старше, знаю, знаю,
Мне без тебя не жить.
Ты молода, ты молодая,
Но что тебе сказать.
Что я влюблен в тебя, ты знаешь,
Ах если б время вспять.
Оберегать тебя мечтаю,
И на руках носить,
Что много старше, знаю, знаю,
Мне без тебя не жить.

Тоску наводит день дождливый,
В разводах на стекле
Мне видится твой облик милый.
Твои года не те.
Стенанья не приносят счастья,
Не дарят шанс судьбе;
Лишь молния блеснет в ненастье.
Твои года не те.

Повтор Припева

Гатте (чабанская притча)

"Время молиться и спать, сынок", - сказал старый чабан своему племяннику-подпаску, устлая маленьким молитвенным ковриком землю неподалеку от тлеющего очага. Тишину пастбища нарушают размеренное ночное пение сверчков и заученные слова молитвы двух сидящих рядом мужчин. Их глаза, обращенные к обильно усыпанному звездами сентябрьскому небу, периодически скрываются в глубоком поклоне. Неподалеку, возле одинокого развесистого дуба, разместилась отара овец, в глазах стерегущих её собак блестящими искрами отражается горение очага.

Во время произнесения молитвы со стороны отары настойчиво и громко разносится бляение. Собаки с интересом вглядываются вглубь отары, однако, остаются сидеть на своих местах. "Гатте, бедняга, кается", - произнес старый чабан, сворачивая коврик и готовя себе и племяннику место для сна. Он разбросал у очага несколько овечьих шкур и старую износившуюся просаленную насквозь бурку. "Что Вы имеете в виду, говоря так, дедушка?" - спросил юноша, вороша веточкой тлеющие угли. "Ты, наверное, слышал, сынок, громкое бляение во время молитвы? Когда это происходит, люди говорят, что Гатте кается. Приляг, я расскажу тебе эту притчу.

Когда это было, уже никто и не помнит, но некоторые *аксакалы** утверждают, что были знакомы с героем этой притчи, чабаном, лично.

Его звали Гатте. Так вот, собравшись на летние пастбища с небольшой отарой, он взял с собой в помощники своего младшего брата Наби. Небольшую поклажу составляли канистра воды, кусок соленого овечьего сыра, полмешка муки, соль, спички, немного риса и свежеиспеченные лепешки. Три дня они двигались в направлении прошлогодней стоянки, однако, решили идти дальше, в сторону скалистых гор, так как растительности для длительной стоянки на прежнем месте было недостаточно. Еще через день чабаны со своей отарой подобрались к

подножию гор, где обилие сочной травы позволяло устроить стоянку.

Через две недели пребывания на пастбище Гатте заметил, что одна и та же овца постоянно уходит в скалы и приходится всякий раз устраивать поиски и возвращать беглянку в отару. Как-то он решил проследить, что притягивает эту путешественницу в скалах, и последовал за ней. Долго ему ходить не пришлось. Под ручьем, спадающим водопадом с небольшой скалы, в его разноцветных брызгах он увидел омывающую девушку ослепительной красоты. Её кожа была цвета топленого молока, а по плечам опускались ослепительные светлые локоны. Девушка была абсолютно нага, но увидев чабана, как будто не испугалась. "Вы не видели здесь овцу, *ханум**?*» - в оцепенении обратился Гатте к девушке. Девушка, улыбнувшись, ничего не ответила и пошла прочь, невольно увлекая потрясенного чабана в скалы. Замученный долгими переходами и длительным одиночеством, чабан не смог удержаться и приобнял удаляющуюся девушку. Девушка как будто замерла и не сопротивлялась настойчивому желанию чабана насладиться ее красотой и негой.

Когда Гатте пришел в себя, перед ним сидела затерявшаяся овца, которая что-то бляела у его головы. Недолго поискав в скалах свою пропавшую белокурую грацию, чабан взял на руки овцу и спустился вниз к отаре. Брат в тени дерева уже готовил полуденный обед: рисовый суп с мясом аппетитно дымил в котелке над костром.

На следующее утро Гатте пошел на поиски пристанища повстречавшейся ему девушки. Однако, увидев уходящую в скалы овцу, решил снова проследить за ней. Овца пробиралась вдоль скалы к знакомому чабану ручью и, чуть коснувшись струящейся воды, преобразилась во вчерашнюю незнакомку. Он был так шокирован увиденным, что мог только еле слышно произнести: «Так вот ты кто?» Девушка решила бежать и, беспорядочно передвигая ноги, упала. Гатте приподнял ее на руки, омыл раны, нанесенные острыми камнями, и снова не смог удержать нахлынувших его чувств.

Ничего не говоря напарнику, чабан стал каждый день приходить к ниспадающему роднику и наслаждаться

красотой обращающейся из овцы девушки. Он даже оборудовал у родника некоторое подобие шалаша, устелив его нежнейшей травой. Однако, в один из дней, встречаясь с девушкой, он проспал до самого вечера, проснувшись от удара хворостиной. Над ним стоял младший брат Наби и негодовал: "Ах вот ты где, негодник!" В следующую секунду брат схватил его за рога, приподнял и потащил в сторону отары.

Да, мой дорогой племянник, чабан Гатте превратился в самого настоящего барана. Если ты видишь в овце женщину своей мечты, помолись Всевышнему, чтобы он отвел твои помыслы от нее, не будь бараном. С тех пор, когда во время молитвы, кто-то в отаре громко блеет, говорят: "Гатте, бедняга, кается".

С севера надвигаются хмурые облака. По ночам становится прохладно. Наш старый чабан с подпаском и вверенной им отарой спускаются с гор в низину, к своим семьям и уютному домашнему очагу. Овцы, нагуляв вес, как будто тоже рады возвращению и делятся между собой впечатлениями от проведенного путешествия.

**Аксакал – почтенный старец на Кавказе;*

***Ханум - почтительное обращение к женщине на Кавказе.*

Белые гуси

*В память о моей бабушке
Рахмиловой Истир*

Всё в природе достойно уважения, ибо создано и существует по воле Всевышнего, и никому не дано знать сути его замысла.

Было ли, не было - решать вам, если доставите мне удовольствие и дочитаете настоящую историю до конца.

В живописнейшем предгорье Кавказа, в одном из селений, которое окаймляет небольшая, но своенравная речушка, жили два крестьянина. Когда пришла пора, оба поженились и построили своим семьям жилища из саманного кирпича на специально выделенной сельсоветом для молодоженов земле. Крыши их новеньких домов были настолько близко, что практически сливались в одну. Также были по-соседски близки и обе молодые семьи. Через год одному крестьянину жена подарила сына, а другому не было пока на это милости Всевышнего. Но супруги не унывали и продолжали мечтать о своем ребенке, наблюдая за счастьем в соседском доме. Однако, им не суждено было осуществить мечту - пришла Война. Оба крестьянина ушли на фронт и не вернулись. Их вдовы, Рут и Дестегюль, сообща прошли через сложные военные и послевоенные годы, помогая друг другу и надеясь на возвращение своих мужей, но чуда не произошло.

Сын Рут Нисон вырос обласканный заботой двух женщин-вдов и был способным и учтивым мальчиком. Он окончил семилетку и уехал в город, чтобы продолжить учебу. По выходным, приезжая к своей матери, как мог помогал ей в небольшом хозяйстве. Вскоре, окончив училище, он остался работать в городе электромонтером.

В продолжение истории напомним, что электричество еще до войны появилось в домах горожан, тем не менее, даже в начале шестидесятых в горах существовали селения, для которых электрический свет оставался диковинкой. Человек, который разбирался в электрике, такой как Нисон, пользо-

вался уважением даже у пожилых сельчан, прошедших не одну войну. Некоторые из них, когда он проходил мимо сельского годекана, даже немного привставали, здороваясь в ответ на его рукопожатия, оказывая этим верх уважения. Поселения, имевшие сельсовет или почтовое отделение, по поручению партии должны были быть электрифицированы. Однако, в лучшем случае электричество было только в вышеуказанных учреждениях. Люди в аулах были в основном пожилые, уже привыкшие жить «так как живут» и, в общем-то, и не поднимали вопрос об электрификации их жилищ перед сельсоветом. В этом деле нужен был толкач, и этих толкачей было целых два: научно-технический прогресс и наш скромный, но образованный электромонтер. В первую очередь Нисон провел свет в дом главы сельсовета, его заместителя и главного бухгалтера. Затем, благо свет проводил сам Нисон без дополнительных ассигнований из кассы сельсовета, это стало доступно и другим сельчанам. Нисон никогда не просил оплату за свою работу и даже избегал разговоров об этом. Тем не менее, осчастливленные односельчане не отпускали его без подарка, пусть бы это были сыр, масло, птица или какие-нибудь фрукты и овощи. Бывало, когда на радостях за ворота дома его матери загоняли овцу или барана. Через два года работы по выходным дням, Нисоном было полностью электрифицировано родное село, а в доме его матери наметился некоторый достаток. Все более-менее смышленные мальчишки села хотели быть электромонтерами, такими как Нисон.

Вскоре Нисон женился на городской девушке, и у него родился сын. Для того чтобы обеспечить молодую семью, он выезжал с напарником в далекие высокогорные села на шабашки. Однажды увидев, как живет одинокий старик-калека, он предложил установить лампочку в его обветшалой сакле. Как и обещал, через неделю под центральной балкой на потолке жилища старика рядом с привычным ласточкиным гнездом красовалась светящаяся лампочка в светлом фарфоровом патроне. Прослезившийся старик позвал собирающегося уходить Нисона и сказал, что у него есть чем отблагодарить молодого человека, и пусть не думает, что он

так беден, чтобы не сделать этого. Покопавшись в амбаре, еле передвигаясь, он предложил Нисону плетенную ивовую корзину. В ней лежало четыре на вид как будто прозрачных гусиных яйца. «Только сынок не бей их на яичницу. Уверен, из них выйдут великолепные гуси», - сказал старик, с благодарностью обнимая Нисона на прощание.

К вечеру Нисон уже был в расположенном недалеко родном селении. Мама с радостью приняла сына, выслушала рассказ о старике, накормила и уложила спать. Наутро сын уехал в город. Увидев несколько принесенных Нисоном яиц, она решила отнести их соседке Дестегюль. Соседка была рада подарку и взамен в ту же корзинку насыпала только что собранных на своем небольшом участке абрикосов. Памятуя о пожелании старика, передавшего Нисону яйца, Дестегюль уложила их в куриное гнездовье и посадила сверху свою старую, уже давно не несущую яиц гусыню. Гусыня, как будто не веря в свое счастье, сразу же накрыла их своим телом, и на протяжении трех недель высидывала. Вылупившиеся гусята были необычного пепельного цвета и радовали одинокую Дестегюль, как если бы это были дети. Она души в них не чаяла: вовремя кормила, поила, провожала на окраину селения, где они вместе с гордой гусыней-матерью пощипывали травку. Вскоре гуси подросли. В отличие от других домашних гусей селения, которые были преимущественно серого цвета со светлыми манишками на груди, эти были ослепительно белого цвета. Дестегюль, помимо работы в совхозе, подрабатывала на дому: покупала в городе все необходимые материалы и выстегивала одеяла, тем и жила. Впервые выщипывая своих молодых гусей, она обратила внимание на изумительно-нежнейшие пух и перо своих птиц и использовала их при изготовлении одеял и подушек. Первое же одеяло, в благодарность за подаренные яйца, Дестегюль подарила приехавшему на выходные к маме Нисону.

Через четыре года у Дестегюль была стая из более шестидесяти гусей, о её гусях знали мастера по изготовлению изделий из пуха и пера далеко за пределами района. К ней приезжали издалека и предлагали большие деньги хотя бы за

пару белых птиц или за несколько яиц. Однако она очень любила своих гусей, различая некоторых из них по именам, и никогда не позволила бы себе продать их, а уж тем более использовать на мясо. Благодаря необычным гусям и своему трудолюбию, Дестегюль постепенно встала на ноги, и к ней в дом стали приходиться гости.

Соседка и подруга Дестегюль, Рут, ревновала её к приходящим к ней гостям, завидовала её неожиданно появившемуся достатку, и поэтому немного отделились от нее в последнее время. Нисон, после рождения третьего младенца, стал реже приезжать к матери, из-за чего Рут было одиноко. И кто, по вашему, был виноват в этом? – конечно же, белые гуси. Прекрасные гуси, к которым Дестегюль относилась, как к своим недарованным ей в жизни детям. Уж так она их любила. Как-то, когда стая белых гусей проходила мимо, Рут не выдержала и, хватая с земли все, что попадется, стала со злобой бросать на гусей, в сердцах приговаривая: «Твари вы, твари. Сволочи вы, сволочи». После такого бомбометания Дестегюль не досчиталась пары своих гусынь, а несколько птиц добрались до дома хромыми и с побитыми крыльями. Она пошла к окраине села, туда, где обычно гуляют её гуси, окрикая пропавших по именам, и обнаружила их окровавленные останки. Ей, видевшей смерть в своей жизни не раз, было очень больно. Она похоронила своих питомцев возле реки. Чудесным образом, никто на селе ничего не видел, но громкий гусиный галдеж слышали многие. Рут, глядя на горе подруги, жалела её и корила себя за совершенное.

Однако, когда следующим летом к Дестегюль приехали корреспонденты из столицы республики, ее снова охватила зависть.

Собрав вдоль тропинки, по которой гуси ходят на прогулку, достаточно пуха и пера, Рут разбросала их у входа и в глубине своего огородика. Не жалея потраченного ею же труда, истоптала и поломала несколько посаженных ею ровными грядками кустов овощей. Выловив в возвращавшейся домой белой стае гусёнка, она понесла его в дом своей заклятой подруге. Долго причитала и заламывала руки Рут говоря, что гуси испортили результаты её непосильного труда.

Взяв за руку Дестегюль, привела ее в свой огород и укоряла подругу в том, что она никого не любит, кроме своих прожорливых вороватых гусей, которые не раз уже топтали её огород, но, во имя дружбы, она не говорила раньше об этом своей соседке. Но сейчас пришел конец и её ангельскому терпению. Рут просто требовала наказать гусей. Дестегюль, накрученная своей соседкой, пришла домой, взяла первую попавшуюся под руку хворостину и, зайдя в загончик где располагались её гуси, впервые в жизни стала хлестать разбегающихся в стороны и не понимающих причину немилости гогочущих птиц. Не успокоившись, она еще некоторое время, рыдая, кляла их, пока не заснула. Наутро, выйдя во двор, Дестегюль увидела распахнутую калитку загончика для гусей. Гусей не было видно. Выйдя на возвышенность у реки, стала звать их. Эхо разносило крик Дестегюль далеко за пределы селения. Целый день Дестегюль бродила в окрестностях села, но так и не нашла своих гусей. Вечером после работы к ней домой зашел пастушок Наби и рассказал о невероятности, которую ему представилось наблюдать ранним утром. Стая белых гусей, разогнавшись, бросалась с утеса над рекой и улетала в сторону течения реки. Долго Дестегюль плакала и проклинала себя. К ней приходили люди, успокаивали: говорили, что кто-то видел какую-то белую стаю в двадцати километрах отсюда, ближе к морю; кто-то говорил, что видел ее гусей лично возле города. Все жалели одинокую вдову. Однако, что сделано, то сделано, и горю не поможешь.

Зима выдалась холодной, и две соседки-вдовы часто сидели друг у друга, чтобы сэкономить дрова и не топить на два дома. Тут-то Рут в слезах и призналась, что возвела напраслину на птиц, подстроив все, потому что приревновала к ним свою подругу.

Весной, когда соседки, сидя во дворе Дестегюль, перебирали головки лука для посадки в грунт, туда залетели две пары белых гусей. Они подлетели к своей прежней кормушке, пощипали остатки разведенного комбикорма, попили водички и, встретившись взглядами, как будто заглянули в самую душу своей бывшей хозяйки. Немного

походив по двору, гуси вспорхнули на крышу дома и затем улетели.

«Они простили меня!» - расплакалась вдова. «И ты прости меня, Дестегюль!» - обняв свою подругу, расплакалась Рут. Они еще долго сидели и горько плакали, вспоминая о своей ушедшей молодости, лишениях, которые им пришлось испытать, недополученной любви и так рано оставивших их любимых мужьях.

Имя

При моем рождении родителям не пришлось думать, какое имя дать новорожденному. Все было предрешиено преимущественным правом пращуров семьи - бабушки и дедушки моего отца, при весьма совещательных правах остальных: моей бабушки – вдовы погибшего на войне дедушки, в честь кого и чьим именем меня назвали; моих родителей и другой более и менее близкой родни. Назвали меня Гемриил с соответствующей записью в свидетельстве о рождении. Так и называли меня до конца своей жизни наши старшие, а родители, будучи ассимилированы в русскоязычное многонациональное сообщество города Дербента, называли меня попроще и для слабых ушей - Гена. Думаете они были одиноки в этом? Второе, русское, имя имело немало моих лезгинских, азербайджанских, табасаранских и прочих сверстников. При этом, угадать настоящее было занятием неблагоприятным, хотя и выполнимым. Фамилии, к счастью, не подвергались аналогичной обструкции, и по ним, а также некоторым другим признакам, можно было легко определить с представителем какого народа ты имеешь дело или водишь дружбу.

Так я и дожил до своих лет с именем Гемриил в паспорте и вторым, упрощенным, испытывая некоторые неудобства, и, в то же время, гордясь преимственностью своего имени и светлой памятью своего деда.

Однако позднее случилось непредвиденное и не очень приятное озарение. Каждый год я прилетаю в Израиль, бывает

что и по несколько раз, в гости к моим близким: родителям, брату и сестре. Они настолько давно стали израильянами, что уже не кажется нереальным окончание оплаты по ссудам за приобретенное по приезду на Святую землю жилье. В этот раз, на паспортном контроле в аэропорту Тель-Авива, среди сотни благосклонно пропущенных на обетованную людей, именно на мне надолго остановилось бодрствующее око смуглой служивой девушки. Мало того, что она усомнилась в моем еврействе, несколько раз переспрашивая и недоверчиво ухмыляясь, но и, самое ужасное, она как-то язвительно просклоняла мое, мне кажется, исконно-еврейское имя, будто не понимая, как еврей может носить такое. Я испытал настоящий шок и продолжительный стресс: может быть сомнения закрались у нее из-за моего двухметрового роста и холеного круглого лица; нет, надо же - я всю жизнь несу как флажок со звездой Давида свое еврейское имя, претерпеваю разное, а оказывается, что я сам по себе – просто отдельно взятый Гемриил. Обидно.

После ожидания в специальной комнате, среди таких же как я, сомнительных, но откровенно арабской внешности людей, я прошел небольшую проверку, ответив на ряд вопросов. Когда мне, наконец, удалось выйти из здания аэропорта на свет Б-жий, я немного пришел в себя. Сев в нужный поезд, я сразу же «загуглил» свое имя, благо в поездах в Израиле имеется бесплатный Wi-Fi. И что же я обнаружил: себя родимого во многих подробностях моей сознательной жизни; народную сказку, которая так незамысловато и называется "Гемриил", а также, упоминания о многих достойных людях из моего небольшого народа, имеющих такое же замечательное имя.

Ну, хорошо. Бывают редкие еврейские имена, и не все же обязаны, даже пусть они работают на таком ответственном посту - паспортном контроле в аэропорту Израиля, знать наизусть всё их возможное разнообразие на земном шаре.

Счастья тебе, служивая, и хорошего жениха с достойным исконно-еврейским именем, и еще – мира и добра государству Израиль.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие автора</i>	5
Очаг	7
Мой город Дербент	9
Лезгинка	11
Мама	12
Флажочек чувств	12
Старый виноградник	13
По Сальмана	14
Мое село	15
Нежность	16
Отчий дом	16
Мой дед остался молодым	17
Я не помню	19
Змея	20
Мугам	21
Счастливый человек	22
Папа	23
Шалом, бирор!	24
Спускаюсь с горного селения	25
Три орленка	26
Где б я ни был	27
Горцы на чужбине	28
Турнир по нардам	29
Вопрос сыну	32
Шалахо	33
Звездный пес	34
Когда-то	34
На торжестве	35
Время черных чернил	36
Младшая сестра	37
Двадцать лет спустя	38

Новый год	39
Фея	41
Пропустил школу	42
Мамины руки	42
Игрушечная история	43
Прощай	44
Не просите напрасно	44
Вьюга	45
В доме предков	46
Буся	46
Моя Одесса	47
Электричка 7.14	48
Холокост	49
Родина	50
Мать или мачеха (размышления о родине)	51
Наши имена	52
Одна на всех	53
Горяночка	54
Машиах (поэма)	55
Израильтянка	62
Зен жугьур (на языке джуури)	63
Пели бабушки	64
Семейный праздник	65
Брат	66
Мангальщик	67
Пою!	68
В Дербенте дождь	69
Бат-Мицва	70
Поцелуй	71
Цветочек от любимой	73
Кунак	74
Старый тутовник	75
Пальцы барабанщика	76
Пятьдесят	77
Старый кларнетист	78
Твои года не те	79
Гатте (чабанская притча)	80
Белые гуси	83

Имя	89
О, женщины!	91
О, женщины	93
Полюбить	94
Не предала, не клялась, не любила	94
Желанная	95
Только не весна	95
Месяц и облако	96
Танец	97
Разные	98
Капает дождик	98
Нас разлучила нелюбовь	99
Причуда	100
Пора любви	100
Ты станешь ангелом моим?	101
Везет	101
Девчонка	102
И расставание не значит ничего	103
Это было	104
Поиграем	105
Наваждение	105
Нежный сон	106
Одуванчик	107
Лет нам осталось	108
Давно не виделись	108
Сынок	109
Любовь не проходит	110
Покой	110
Женщина грез	111
Аленка	111
Не зажглось	112
Пазл	112
Поддался искушению	113
Комета	114
Мечта	115
Цветение персика	115
Совет подруги	116

Химия	116
Прячу душу	117
Светлый сон	118
Нравишься	119
Объяснюсь	120
Будильник	121
Большая медведица	121
Большая девочка	122
Посмотришь ли	122
Да ну их	123
Заинька	124
В ЗАГСе – развод	125
Три девушки	125
Любил ли?	126
Я хороню свою любовь	126
Глаза в глаза	127
Я с тобой	127
Планета	128
Ты обиделась	128
Моя Кармен	129
В поле ромашковом	130
Если знать	130
Смуглянка	131
Зову	132
Егоза	133
Черненькое платье	134
Провожала	135
С неба мушками	136
По белому	136
Градус	137
Дай только шанс	138
Небесный фонарик	139
Забыть	140
Переезжала ты, переезжала	141
Разлукой измеряется любовь	142
Мотыльки	143
Апрель	144
Большая луна	144

Павлин и кукушка	145
Останься до утра	146
Зимний вечер	147
Сердце	147
Прости. Прощай	148
Ущелья	149
Холод планет	151
Старец	152
Сухостой	153
Не хочешь знать порока	153
Мне приснилось	154
Охота	155
Седьмое небо	156
Дух	157
Листочки, облака	158
Жребий	159
Заначка	160
Огонек	160
Весна, скамейка, серое пальто	161
Беда	161
Печень	162
Оригами	163
Ночная сигарета	164
Самолет надежды	164
Ноябрьский ветер	165
Мосток	166
Болезнь уйди	167
Зрелый лист	168
Чистилище	168
Сколько осеней	169
Не будут	169
Свой жребий	170
Проклятья	170
Умиротворение	171
Ветру	171
Выхожу из тела	172
Досада	173

Грузинский ресторан	173
Пансион	174
Твой день	175
Ушла	175
Брак	176
Осенний марафон – 4G	176
Уходишь	177
Спросонок	178
В вихре гендерном	178
Весенние ручьи	179
Весна	179
Собачья верность	180
Питомец	181
Холодный дождь	182
Вкус яблока	182
Синим воротничкам	183
Играю	185
Белый зверь	186
Арктика	186
Пятница	187
Война	188
Птицы	189
Ветеран	190
Другая война	191
9 мая	192
Когда ты поешь	192
Памяти Владислава Галкина	193
Евгений Павлович Леонов	194
Жизнь	195
Править творчество	196
Стихи, сонеты	197
Портал	197
Отрезало	198
Поэзия и рэп	198
Глагол	199
Поэт-живописец	199
Грань	200
Суперлуние. Муза	201